

Значение смерти

Н.Н.Страхов

Значение смерти¹

“Что нового? Нет ли чего новенького?” Вот обыкновенные вопросы, без которых не обходится почти ни одного разговора. Обыкновенные вопросы указывают на обыкновенные желания, на постоянные потребности. На первый взгляд можно однако подумать, что тут нет ничего важного, что мы стараемся только об раздражении и удовлетворении пустого желания поговорить. Новым обыкновенно называют то, что там-то был пожар, что Иван Петрович умер, Анна Петровна вышла замуж, и т.п. Чацкий говорит:

Что нового покажет мне Москва?

Вчера был бал, а завтра будет два;

Тот сватался - успел, а тот дал промах.

Очевидно, это новое есть повторение старого и не содержит в себе ничего, кроме нового сочетания существенно тех же явлений. Вы знаете, что так часто смотрят и на весь мир, и на всё, что в нём бывает нового. Для умов лёгких этот взгляд представляет забаву, как опора для скептицизма и презрения. К такому скептику обращался Пушкин в своем *Вельможе*:

Ты, не участвуя в волнениях мирских,

Порой насмешливо в окно глядишь на них,

И видишь оборот во всем кругообразный.

Но для умов глубоких, для людей, смотрящих на жизнь строго, так сказать религиозно, - ничего не может быть мучительнее, как убеждение, что во всех наших новостях нет ничего нового. Между всеми человеческими жалобами на жизнь трудно найти жалобу более безотрадную, чем та, которую высказал Соломон и которая недаром стала всемирною поговоркою: “Что было”, говорит он, “то и будет; что делали прежде, то будут делать и потом; что бы ни называли новым, всё это уже было, - всё старое; нового нет под солнцем! Суета сует и всё суета!”

В нас существует живое стремление к новому в самом строгом смысле этого слова, стремление к совершенно новому, неиспытанному, неизведанному, и потому беспредельно занимательному. Такое новое действительно есть в человеческой жизни; оно составляет её прелесть, её неисчерпаемую привлекательность. Если возьмём самую низшую сферу нашей жизни, сферу простых впечатлений, ощущений, возбуждаемых в нас чем бы то ни было, то мы с неотразимой ясностью убедимся в присутствии нового в нашей жизни. Как мы ни любим обращаться к старым ощущениям, как ни стараемся обратить наши наслаждения в привычки, - время берёт свое, и с каждым годом, с каждым днем изменяется расположение нашего духа, изменяется сила и вкус всей массы впечатлений внешнего и внутреннего мира, изменяется наш взгляд на вещи, наши мысли и желания. Сколько жалоб расточали поэты по поводу такого непостоянства человеческой природы! Между тем, самая сущность жизни лежит в этом непостоянстве. У одного из наших поэтов встречается выражение чувства, которое поражает своею невыносимую болезненностью и о котором сам поэт отзывается с ужасом:

Мне чувство каждое, и каждый новый лик,

И каждой страсти новое волненье -

Все кажется давно прожитый миг,

Все старого пустое повторенье.

И скука страшная лежит на дне души,

Меж тем как я внимаю с напряженьем,

Как тайный ход судьбы свершается в тиши,

И веет мне от жизни привиденьем.

В самом деле, если бы жизнь остановилась на время, если бы она вместо развития стала *кругообразным оборотом*, - то, кажется, действительно она стала бы давящим кошмаром, неподвижным и страшным привидением.

Заключая от наших психических явлений к явлениям телесным, мы должны принять и для них непрерывную изменяемость; вместе с развитием нашей души идёт и развитие нашего мозга, а следовательно и всего тела. Точно так же, каждый год, каждый день приносит с собою перемены в теле; сегодня наше тело уже не то, что было вчера; завтра оно опять незаметно изменится. У нас нет никаких причин остановиться на каких-нибудь периодах в этих переменах; в строгом смысле, мы должны сказать, что каждый оборот крови, каждое биение пульса уже не то, что предыдущий оборот, предыдущее биение.

Таким образом мы видим, что явлений настоящего, чистого круговорота в жизни не бывает; точного, неизменного повторения жизнь не терпит; она есть непрерывное обновление. Поэтому, понимание жизни только как круговорота - в высшей степени ошибочно.

Быстрота развития и обновления, если можно так сказать, пропорциональна количеству жизни. Чем выше организм, тем быстрее и непрерывнее совершается его обновление. У высших животных можно судить об этом по кровообращению. Кровь есть жидкость, служащая для обновления всех частей тела. Как жидкость, она может быть легко передвигаема по всему телу, легко вбирает в себя всякие другие жидкости и легко отдает органам свои составные части. Сама кровь, притом, есть живой орган, живая часть нашего тела; она сама непрерывно обновляется, приходя в соприкосновение с внешними влияниями - с воздухом в легких и с пищей в кишках. Воздух и пища - суть самые существенные материальные влияния на организм; кровь - самый изменчивый из всех органов, наиболее развивающаяся и обновляющаяся часть тела. Движение крови имеет целью сообщить это развитие и обновление другим частям тела. Следовательно, по быстроте кровообращения и по соответственной потребности пищи и дыхания, можно заключать о быстроте обновления тела. У высших животных - у млекопитающих, к которым принадлежит человек, и у птиц, - кровообращение, питание и дыхание достигают наибольшей энергии; и следовательно, несмотря на видимое постоянство формы, это суть самые изменчивые, наискорее обновляющиеся организмы. Потому-то эти животные менее всех других способны выносить лишение воздуха и пищи.

Замечательно, что птицы, хотя немного, но всё-таки превосходят млекопитающих и быстротою кровообращения, и теплотою тела, которая также в связи с кровью. Но птицы, вообще, представляют класс животных особенно замечательный. Птицы, без всякого сомнения, - красивейшие между всеми животными. Они так красивы, что крылья, взятые от них и приданные человеческой форме, кажется нам, украшают эту форму, и не только не дают ей ничего животного-подобного, но как будто возвышают ее над обыкновенным человеческим образом. Грация форм, легкость движений, дар пения - всё это свидетельствует, что птицы - организмы высоко поставленные, что в них природа дошла до границ в своём стремлении осуществить идею животного в известном направлении. И в самом деле, если бы животное должно было представлять существо только самостоятельно подвижное, независимое от места, то птицы всего полнее удовлетворяли бы такому идеалу. Произвольное передвижение есть одна из существеннейших черт животного, и вот почему так высоко стоят птицы. Но передвижением не исчерпывается сущность животного; другие, более важные её черты осуществляются в классе млекопитающих, и потому только здесь животные достигают своего полного совершенства, - человеческой формы. Для ясности прибавлю, что птицы имеют явный недостаток - у них мала голова, и следовательно мал мозг. Природа пожертвовала в них головою крыльям, которым так завидует человек; по законам механики, чтобы полёт имел легкость и свободу, голова не должна иметь значительной величины.

Всё это я привел для того, чтобы показать, что непрерывное обновление тела есть знак высокой организации, что *изменение* организма принадлежит к самой сущности жизни.

Таким образом, в организме мы не должны предполагать ничего постоянного; в нём всё течёт, всё преобразуется. Не только изменяется вещество, из которого он состоит, не только нет в нём неизменно присущей силы, - но и самая форма тела, и самые явления, в нём происходящие, подвержены непрерывному изменению.

Итак, организмы должны быть понимаемы, как предметы существенно *временные*, то есть не как тела, но скорее как процессы. Притом, они суть процессы *изменяющиеся*, и, по тому самому, они ограничены во времени, имея начало и конец. В самом деле, если представим себе процесс постоянный, не изменяющийся, то нет никакой причины, почему бы он не мог продолжаться без конца, безгранично. Так прямая линия не имеет определённой величины. Но если процесс изменяется, то он легко может представлять определённое продолжение. Так круговая линия, как линия, изменяющая своё направление, имеет определённую длину, зависящую именно от того, по какому закону и в какой степени направление её изменяется.

Мы видим здесь существенное различие между организмами и телами неорганическими. Мёртвые тела ограничены только в пространстве, но не во времени. Так, например, кусок золота занимает в пространстве совершенно определённый объём, имеет точные пределы; но он не имеет совершенно никакого отношения к времени. По случайным причинам он может тотчас быть разрушен, но он может сохраняться, оставаясь тем же куском золота, - целые века, целые тысячелетия, или, употребляя техническое выражение химиков, *неопределённо долгое время*. Во времени мёртвые тела не имеют пределов, ничем не ограничены. Не забудьте, что такая неопределённость есть явное несовершенство, потому что определённость в пространстве есть очевидное совершенство вещественного предмета. В самом деле, только вследствие своей определённости в пространстве каждое тело существует как особое, самостоятельное тело, отличное от других; без пределов не было бы и тела; беспредельность свойственна только пространству, то есть протяжению, ничего в самом себе не содержащему.

Организмы не только ограничены в пространстве, но имеют ещё другое совершенство, то есть ограничены и во времени; зачатие и смерть - вот пределы, между которыми заключается жизнь, заключается столь же строго и точно, как сущность мёртвого тела заключена в пространственных его границах. Таким образом, процесс каждого органического тела делается особым, определённым, заключённым в себе процессом; неопределённое продолжение свойственно только времени, то есть процессу совершенно пустому, в котором мы ничего не полагаем.

Мёртвые тела не имеют границ во времени именно потому, что не представляют содержания, которое бы могло заключаться в этих границах; они не имеют жизни. а потому не представляют и рождения и смерти. Каждое мгновение мёртвое тело существует вполне; оно не имеет исхода, потому что никуда не идёт; для него время ничего не значит, потому что оно ничего не совершает; оно не имеет конца, потому что никуда не стремится, ничего не достигает.

Чтобы убедить вас вполне, что ограниченность во времени есть действительно совершенство, а не недостаток организмов, я попробую подробнее сравнить их с мёртвыми телами - и сначала в отношении к пространству.

Организмы отличаются тем, что не только имеют пределы в пространстве, но и представляют *определённую величину*, известный рост. Кусок золота, или даже кристалл кварца - не имеют ничего определённого в величине; и как бы они велики и малы ни были, они будут тем же куском золота или кристаллом кварца. Человек имеет известные границы для своего роста; если исключить уродливости, то легко указать, что он не может быть меньше одних размеров, больше других; высшая граница проведена особенно резко: человек не может увеличиваться значительно больше обыкновенного высокого роста. При самом возрастании, при увеличении размеров, не всё равно, мал человек или велик. Маленький человек - дитя, взрослый человек - муж.

Определенная величина организмов не есть что-либо произвольное или случайное; она существенно зависит от самого их строения, от тех отправлений, которые должны в них совершаться. В наших мечтах, в игре нашей фантазии, мы легко создаём крошечных лиллипутов, или гигантов *семи пядей во лбу*; но по законам действительности подобные существа невозможны. Предмет этот очень интересен, и я возвращусь к нему впоследствии, а теперь хотел только заметить, что определённая величина организмов есть их существенное свойство.

Но ещё далее - они имеют не только границы вообще, не только границы размеров, но они и внутри разграничены, они имеют *определённые части*. В куске золота, переходя от одной точки к другой, вы везде встречаете одно и то же золото. В организмах вы на определённых местах встречаете определённые части, определённые потому, что они отличны одна от другой, и что размеры их так же ограничены, как и размеры целых организмов. Эти части называются *органами*, орудиями, и от них и произошло многозначительное название организма.

Возьмите теперь организм в отношении ко времени, и вы найдете то же самое. Не только жизнь организма имеет вообще пределы, но для каждого организма продолжительность жизни имеет определённую величину. В неорганической природе нет никакого следа подобного ограничения. Не только жизнь имеет пределы, но и части её ограничены; жизнь распадается на части, которых порядок и продолжительность не менее определённы, как и расположение и размеры органов тела. Так точно, как переходя от поверхности тела до мозга и от мозга до костей², от рта до сердца и от сердца до волосных сосудов, мы встречаем в пространстве тела множество определенных частей, - так, переходя от зачатия к возмужалости и от возмужалости к дряхлости, мы находим в каждой части времени известные периоды, определённые перевероты, своею совокупностью так же составляющие жизнь, как совокупность органов составляет тело.

Величина тела, как я уже сказал, зависит от значения органов, от их отправлений; совершенно также продолжительность жизни зависит от содержания периодов, её составляющих; как границы тела вмещают в себя столько вещества, сколько нужно для организма, так и границы жизни соразмерны с её содержанием.

Органы тела не одинаковы по своему достоинству: одни более важны, другие менее: одни главные, другие подчинённые. Для органов растительной жизни центром служит сердце; растительная жизнь в животных вполне подчинена животной жизни; центр животной жизни, и потому всего тела, составляет нервная система; центр же самой нервной системы есть головной мозг.

Точно так и между периодами жизни есть разница в значении. Период утробной жизни весь состоит из низших явлений, из развития чисто растительного и животного. После рождения постепенно берут верх человеческие проявления; период мужества - есть настоящий центр жизни, и притом центр во всех отношениях, - и в животном, и в растительном, и даже в чисто материальном. Известно, что, при строго нормальном развитии, вес и даже вышина роста достигают наибольшей величины во время мужества; старость сопровождается отошанием и даже иногда небольшим понижением роста.

Изо всего этого вы видите, что организмы, как существа временные, представляют, так сказать, известную *организацию во времени* - подобно тому, как они представляют организацию в пространстве.

Повторю еще раз - кусок золота, как бы он велик или мал ни был, остается тем же куском золота; притом, он может существовать сколько угодно времени. Напротив, каждый организм имеет определённую величину и может существовать только определённый срок жизни. Эта разница происходит от того, что золото снаружи представляет совершенно то же, что внутри, и сегодня то же, что через сто лет; в организме же есть внутреннее строение, есть централизация, от которой зависит его величина; и есть развитие, перевороты, периоды, от которых зависит срок жизни.

Вы видите, что я совершенно справедливо называл смерть одним из совершенств организмов, одним из преимуществ их над мёртвою природою.

Смерть - финал оперы, последняя сцена драмы; как художественное произведение не может тянуться без конца, но само собою обособляется и находит свои границы, так и жизнь организмов имеет пределы. В этом выражается их глубокая сущность, гармония и красота, свойственная их жизни.

Если бы опера была только совокупностью звуков, то она могла бы продолжаться без конца; если бы поэма была только набором слов, то она также не могла бы иметь никакого естественного предела. Но *смысл* оперы и поэмы, их существенное содержание требуют финала и заключения.

Если то же самое бывает и в организмах, то спрашивается, в чём же состоит это содержание? И действительно ли финал необходимо требуется этим содержанием? Другими словами - закон, по которому совершается жизнь, действительно ли таков, что жизнь должна смыкаться в границы, подобно тому, как круговая линия или эллипс не идут беспредельно, но сообразно с законом, по которому изменяется их направление, образуют законченное целое?

И здесь, как и везде, форма зависит от содержания, границы от сущности, наружное от внутреннего, то, что видимо и осязаемо, от того, что скрыто в самом глубоком недре.

Закон жизни, как я уже сказал, есть *совершенствование*; то есть движение жизни есть не что иное, как переход от низшего состояния к высшему. Уже из этого простого определения видно, что это движение не может идти без конца. В самом деле, что бы мы ни разумели под совершенством, какое бы понятие мы ни имели об идеале, к достижению которого природа стремится в организмах, - мы не можем полагать, что совершенствование идёт без конца и предела. Понятие о *бесконечном совершенствовании* невозможно, то есть оно заключает в самом себе непримиримое противоречие.

Действительно, представьте себе совершенствование без конца, то есть представьте себе ряд ступеней, идущих беспредельно, из которых каждая ступень выше предыдущей и ниже последующей - и вы увидите, что самое понятие о *совершенствовании* разрушится и исчезнет. В самом деле, тогда мы должны будем принять, что совершенного или идеала нет, что совершенство в полном смысле слова не существует. Так, когда говорят, что параллельные линии пересекаются на бесконечном расстоянии, то это значит, что пересечения их *вовсе не бывает*. Притом, если совершенство недостижимо, то каждая ступень к нему *равно далека* от цели; следовательно, разница между ступенями не существует. Так в прямой линии, какую бы точку мы ни взяли, мы должны сказать, что она так же далека от конца линии, как и всякая другая точка; продвигаясь от одной точки к другой, мы не можем утверждать, что приближаемся к концу, так как конца у прямой линии *вовсе нет*. Так точно - переходя от одной ступени к другой в бесконечном ряду ступеней, мы не можем сказать, что мы от ступени менее совершенной переходим к более

совершенной; все ступени очевидно будут равны, одинаково несовершенны, одинаково далеки от совершенства.

Вообще, так как единственной мерой совершенствования может быть только самое совершенство или идеал, то утверждая, что эта мера недостижима, следовательно бесконечна, мы вместе лишаем себя всякой возможности понимать совершенствование.

Возьмем самый простой пример - рост человека. Мы можем судить о росте потому, что знаем ему меру - нормальный рост человека. Поэтому мы говорим: у него прекрасный рост, он - высокого роста, его рост - слишком мал, и т.д. Но представим, что рост человека не имеет границ; тогда подобные суждения были бы совершенно невозможны; не было бы ни слишком большого, ни слишком малого роста; вообще не было бы взрослых людей, а все были бы только подростки, то есть все считались бы одинаково малыми, и всякий великан был бы пигмеем в сравнении с другими великанами. Следовательно, никого нельзя бы было называть ни великанами, ни пигмеями.

Известно, что человеческий ум любит предположения такого рода; он любит измерять предметы великою мерою - бесконечностью. Поэтому часто говорят: нет ничего ни великого, ни малого; как бы что ни было велико, есть вещи в тысячу раз больше; наоборот - каждая пылинка, может быть, есть целый мир, наполненный чудесами. Свифт в "Гулливеровом Путешествии" и Вольтер в своем "Микромегасе" фантазировали на эту тему. У Вольтера Микромегас имеет сто двадцать тысяч футов вышины, и Вольтер замечает, что это прекрасный рост. Лейбниц, в одном из своих писем, идет еще дальше; он воображает великана столь большого, что солнечная система могла бы служить для него карманными часами.

Если в подобных соображениях мы находим что-то неожиданное и страшное, то это происходит именно от того, что здесь только изменяется точка зрения на предметы, а между тем мы чувствуем, что теряем возможность судить об этих предметах.

Как скоро мы все меряем бесконечностью, то исчезает всякая мера. Следовательно, если хотим мерить, если желаем судить о предметах, то очевидно должны взять другую меру, определенную, конечную. И если бы такой меры не существовало, то мир был бы хаосом, о котором невозможно бы было мыслить; потому-то мы так убеждены, что все в нём устроено *по мере, числу и весу*.

Так точно, как для каждого организма есть определённый рост, и, вообще говоря, тем определённое, чем выше организм, - так точно для каждого организма есть *эпоха совершенства*, эпоха достижения того идеала, к которому идет совершенствование организма. Когда мы говорим о ребенке: как он вырос! - то разумеем под этим приближение к нормальному человеческому росту. Так точно, замечая вообще развитие каждого организма, мы измеряем его большим или меньшим приближением к *полному развитию*, к эпохе совершенства.

Действительно, существенная, главная черта организмов состоит в том, что каждый организм имеет *эпоху зрелости*, зрелый возраст. Эту эпоху можно назвать центром жизни во времени, центральной частью жизни, точно так, как в пространстве центральной частью животного мы называем нервную систему.

Вы видите, что *эпоха зрелости* есть необходимая принадлежность каждого организма, каждого развития, что она следует из самого понятия развития или совершенствования. Поэтому очень странно, что Шлейден, знаменитый ботаник, особенно много трудившийся

над изучением развития растений, держится однако же мнения, будто растения никогда не имеют зрелости. Он считает существеннейшим различием животной жизни от растительной то, что у животных есть зрелый возраст, а растение в *каждый момент своей жизни есть часть самого себя* и таким образом представляет непрерывную метаморфозу³.

Очевидно, Шлейден впал здесь в явное преувеличение; это произошло от того, что ему хотелось выставить как можно ярче важность изучения развития для растений; если у них нет зрелого возраста, то вместе с тем, нет возраста, который нужно бы было *изучать по преимуществу*; чтобы знать растение, нужно *равно* изучить все его возрасты, все эпохи развития. Тем не менее, в замечании Шлейдена есть и верная сторона; именно, нельзя отрицать, что в растениях эпоха зрелости представляет менее определённости и менее ярко выступает, чем у животных. Но такая меньшая определённость, такое менее заметное *сосредоточение* жизни - есть общий признак не растений, а вообще низших организмов, а следовательно и низших животных. И у низших животных исследователи, как известно, приходят в большее затруднение, когда требуется определить эпоху зрелости. Заключить отсюда, что у них вовсе нет зрелости, было бы очень несправедливо, точно так, как несправедливо бы было от отсутствия высших проявлений произвола и ощущения заключать о совершенном отсутствии всякого ощущения и произвола.

Человек, как высший организм, представляет высший образец жизненного развития; у него эпоха зрелости обнаруживается ясно и определено. Часто в продолжении десяти, даже двадцати лет зрелого возраста мы не замечаем почти никакого различия, производимого годами; все силы телесные и душевные достигают наибольшей энергии и действуют в полной гармонии; характер, образ мыслей, голос, движения и пр. - всё определяется, теряет подвижность и шаткость, свойственные юности, и принимает неизменные формы. Очевидно, организм достиг полного своего раскрытия; он не изменяется, он держится на этой высоте именно потому, что выше подняться уже не может.

Так что, когда начинаются изменения, когда не останавливающееся движение жизни производит в организме *новые* явления, то эти новые явления уже не могут быть ходом вперед; они необходимо ведут к дряхлости и смерти.

Вы видите, что организмы подчинены следующей неизбежной дилемме:

Если бы какой-нибудь организм мог совершенствоваться без конца, то он никогда бы не достигал зрелого возраста и полного раскрытия своих сил; он постоянно был бы только подростком, существом, которое постоянно растёт и которому никогда не суждено вырасти.

Если бы организм в эпоху своей зрелости стал вдруг неизменным, следовательно, представлял бы только повторяющиеся явления, то в нём прекратилось бы развитие, в нём не происходило бы ничего нового, следовательно не могло бы быть жизни.

Итак, одряхление и смерть есть необходимое следствие органического развития; они вытекают из самого понятия смерти.

Вот те общие понятия и соображения, которые объясняют значение смерти. Они требуют без сомнения более частных подтверждений, более отчетливого развития. Под именем *совершенного* мы разумеем вообще нечто хорошее; но спрашивается, что именно? Действительно ли содержание жизни таково, что достижение его может быть названо

совершенствованием? Силы и явления организма действительно ли таковы, что способны к *полному раскрытию*, а не к безграничному увеличению?

Одним словом. чем полнее и глубже мы будем понимать жизнь, тем более должно уясниться значение смерти, тем резче должна выступать её необходимость.

Возьму пример из той области развития, которая выше всех других, но в то же время доступнее и понятнее всех других, именно из области *умственного* развития. Постепенное расширение наших познаний, постепенное уяснение нашего взгляда на мир, более и более глубокое понимание всего нас окружающего - есть, без сомнения, совершенствование. Деятельность ума есть наиболее сознательная из всех деятельностей. Движение ума производится самим же умом и направляется по выбору самого ума. Переходя от одного взгляда к другому, ум имеет перед глазами оба взгляда, и свободно, на основании непринужденного суждения, оставляет один взгляд и принимает другой. При таком ходе вперед ничто не теряется из виду; в каждую минуту все прежние убеждения и понятия могут быть вызваны налицо и, следовательно, сохраняют всю свою силу, так что покоряются новым понятиям только вследствие действительно большей силы этих новых понятий. Ум, как известно, есть верховный судия в своем деле; всякий авторитет он, по самой своей сущности, может признать только свободно, сознательно, следовательно он сам для себя необходимо составляет высший авторитет.

Итак, здесь менее, чем в чём-нибудь другом, возможен скептицизм; нельзя различные степени умственной жизни считать за пустую игру перемен, за не имеющую смысла смену состояний, хотя различных, но равно далеких от истины.

Но представим себе, что это совершенствование не имеет конца, что понимание мира, постижение сущности того, что нас окружает, - изменяется беспредельно. Тогда, действительно, мысль о совершенствовании исчезнет. В самом деле, тогда, сколько бы человек ни трудился, сколько бы ни расширял свои познания и ни углублял своё понимание, он постоянно будет оставаться недоученным и не додумавшимся, никогда не перестанет быть невеждою и тупоумным. *Век живи, век учись, и дураком умрешь*. Так насмешливый русский ум выразил этот безотрадный взгляд на умственное развитие. Прямое следствие этой пословицы конечно то, что незачем и учиться.

Если же мы учимся, или вообще, - если заботимся об нашем умственном развитии, то это основано на уверенности, что мы можем достигнуть *настоящего, зрелого* понимания вещей. Только в виду этой цели, в надежде достигнуть нормальной, полной умственной деятельности, мы предаемся всевозможным усилиям и разнообразным занятиям. Мы готовы сто раз изменить наши мнения, готовы ежеминутно подвергать их критике и строгому исследованию, никак не с тем, чтобы жить в каком-то вечном круговороте, но именно для того, чтобы достигнуть наконец твёрдых, вполне отчетливых убеждений, которых не может сломить уже никакая критика. Таким образом, мы уверены, что можем выучиться, просветить свой ум, можем стать людьми сведущими, глубоко понимающими то, что нас окружает. Одним словом, для ума мы также ждём эпохи мужества, эпохи полного самообладания и независимой твёрдости. Таинственные познания, недоступные понятия, - куда бы вы их ни поместили, в отдалённую древность или в далёкое будущее, - всегда будут для ума чуждым и стесняющим авторитетом, несносным насилием.

Вот почему от человека вполне развитого мы требуем как долга, как исполнения нравственной обязанности, - известной полноты убеждений. Он должен сам определить свои отношения ко всем важным вопросам, как бы они важны ни были. Мы даём ему на это право, и виним его, если он неспособен воспользоваться эти правом.

Итак, ум неизбежно добивается права судить обо всем, - права совершеннолетия, и все его усилия основаны на уверенности, что он может достигнуть цели.

Положим теперь, что умственная деятельность достигла зрелости, взгляд на вещи определился, мирозерцание приобрело полноту, стройность и отчётливость; мысль утратила всякое колебание, всякую неуверенность и может произносить самостоятельное и твёрдое суждение.

Но - дальше идти некуда. Не забудьте, идти дальше значит - отказаться от совершеннолетия, опять стремиться, опять считать себя не умеющим судить, опять добиваться самостоятельности суждения. Следовательно, если у нас было истинное совершеннолетие, законная самостоятельность, то - движение вперед, вверх невозможно.

А между тем движение неизбежно. Взгляд становится определённое, отчётливее, и вместе ограниченнее, уже. Случается, что ясно выступает непримиримое противоречие: с одной стороны чувствуется невозможность отступить от начал, которые добыты ценою жизнью и в истинности которых нет сомнения; с другой стороны - сознание ограниченности и, следовательно, ложности в выводах, в частных развитиях взгляда. Какой же здесь выход?

Заметим, что умственное развитие, как самое чистое и сильное, достигает зрелости после всех других развивающихся сторон, что оно держится всего упорнее на своей наибольшей высоте, так что умственная дряхлость наступает позже ослабления всех других деятельностей.

Вот почему, при высокой умственной деятельности, ум остаётся светлым и сильным до глубокой старости, почти до последних её минут, так что человек не переживает своего ума. На этом основано справедливое мнение о мудрости старцев, убеждение в том, что развитие их умственной жизни не падает и в глубокой старости. Если же старики нередко возбуждают неприязнь своими рассуждениями, то едва ли справедливо обвинять при этом их ум; он, вероятно, еще способен действовать не хуже, чем в их молодые годы; если же не действует, то только потому, что иногда не имеет власти, что власть принадлежит страстям, привычкам, всему грубому осадку долгой жизни, всей её низшей сфере.

Вообще, смерть замечательна своею быстротою; она быстро низводит организм от состояния деятельности и силы к простому гниению. Как медленно растёт и развивается человек! И как быстро, по большей части, он исчезает!

Причина этой скорости заключается именно в высокой организации человека, в самом превосходстве его развития. Высокий организм не терпит никакого значительного нарушения своих отправления, тогда как низшие организмы не уничтожаются при самых сильных изуродованиях. Есть животные, которых можно резать на части - и каждая часть останется живою.

Высокое и стройное развитие не терпит понижения: поэтому понижение обнаруживается как трагический удар, разрушающий все здание организма.

С этой точки зрения смерть есть великое благо. Жизнь наша ограничена именно потому, что мы способны *дожить* до чего-нибудь, что можем стать *вполне человеком*; смерть же не даёт нам *пережить* себя.

(1860, сент.)

Примечания:

¹ Печатается по изданию: Н. Страхов “Мир как целое. Черты из науки о природе”. СПб, 1892, стр. 123-144.

2 Обыкновенно мозг воображают внутри костей; но мозг костей или костный мозг нужно отличать от настоящего мозга (в голове и спинном хребте), которого действие на кости (движение их) совершается через нервы и мускулы

3 М. Schleiden, Grundzuege der wissenschaftlichen Botanik, I Bd. стр.64, 141 след.

Русское самосознание, 1996, № 3. С .33-42.